

МОРИС БЕЖАР:

НАМ НУЖНА

КРАСОТА, КАК ХЛЕБ НАСУЩНЫЙ

В эти дни, когда Франция отмечает 200-летие Великой французской революции, в «Гран-Пале» — главном выставочном зале Парижа — идет грандиозный балетный спектакль «1789 год... и мы». Под ажурными застекленными сводами дворца «танцуют» важнейшие события революции: взятие Бастилии, созыв Генеральных штатов, возвращение короля в столицу.

В этом новом балете, поставленном Морисом Бежаром, не только танцуют, но и произносятся монологи. «Мир изменился, он должен еще меняться, — говорит, обращаясь к зрителям, Максимилиен Робеспьер. — Народы Европы достигли удивительного прогресса в том, что мы называем искусством и науками, но они по-прежнему пребывают в невежестве в отношении основ общественной морали. Они знают всё — за исключением своих прав и обязанностей...»

Балетные картины меняются с калейдоскопической быстротой. И вот из конца XVIII столетия мы переносимся в сегодняшний день. Бежар возвращает нас к нерешенным проблемам — голод, расизм, загрязнение окружающей среды.

— Тема революции имеет для меня огромное значение, — говорит Морис Бежар. — Великая французская положила начало огромным переменам. За ней последовали другие — в больших и малых странах, и время революций еще не миновало. Революция 1789 года оставила чрезвычайно важное наследие, в том числе Декларацию прав человека и гражданина. Однако мы пока еще не умеем пользоваться ни нашими правами, ни выполнять обязанности по отношению к другим народам, к природе, к будущему нашей планеты. Со времени революции в обиход вошло слово «свобо-

да»... Для меня оно означает, что я могу делать все, что угодно, при условии, что это не будет иметь каких-то нежелательных последствий для общества, для других людей.

Я наблюдал Бежара на репетиции: мягкие, словно кошачьи движения, негромкий, но решительный голос, требующий полного повиновения. В его облике: приподнятые брови, небольшая борода, пронзительный взгляд — есть что-то мефистофельское. Он перебирает четки — хореограф почти 20 лет назад принял мусульманскую веру, которая, по его словам, наиболее близка ему.

— Искусство должно предупреждать мир о нависшей над ним угрозе, — считает Бежар, — но не забывать при этом, что у человечества все-таки есть свой «плот» — надежда на выживание. Все еще сохраняется опасность ядерной войны, но главная проблема — в чрезмерном развитии ведущих промышленных государств. Они слишком быстрыми темпами, бездумно расходуют энергетические ресурсы планеты, которых не хватает другим народам, и все это во имя получения любыми средствами мгновенной прибыли. Создалась бесконечная цепочка потребления, которая не приносит никакого счастья. В чем оно? Наверное, оно все-таки не зависит от материального достатка. Люди, естественно, должны иметь возможность вести нормальный образ жизни. Я считаю себя необычайно счастливым человеком, но, кроме своей профессии, ничем не владею, у меня нет никакой собственности... Смотрите, Западная Европа в стремлении к материальному благополучию стала подражать Соединенным Штатам и уже разрушила часть своей души, нане-

сла урон собственной духовности. Счастливым может быть только человек, являющийся духовно свободным, который не придает никакого значения материальным благам, не боится все потерять разом.

Спорт, кино и танец — эти три способа выражения человеческой личности Морис Бежар называет главными в современную эпоху. Танец для него — величайший вид искусства, доступный и массовый, пользующийся международным языком общения, но вместе с тем сохраняющий национальные корни.

— Человеческое тело подобно музыкальному инструменту, может в танце выразить любое чувство. Долгие годы, — говорит М. Бежар, — балет оставался элитарным искусством. Еще в начале нашего столетия на сцене «Гранд-опера» вообще не ставили балетные спектакли. Время от времени приезжали иностранные труппы, а в начале 10-х годов в Париже стал выступать русский балет Сергея Дягилева. Именно ему удалось объединить в своих спектаклях танец, музыку и живопись — декорации и костюмы. В его труппе были замечательные исполнители. Дягилев добился, что музыку для балета стали сочинять выдающиеся композиторы — Стравинский, Прокофьев, Дебюсси, Равель, а спектакли оформляли лучшие художники — Пикассо, Бенуа, Брак, Гончарова. Он сумел наладить связи между интеллектуальной элитой всего мира.

В начале XX века огромную роль в развитии балета сыграла Айседора Дункан, которая освободила искусство танца от многих сковывавших его условностей. Наконец, первый спектакль на сцене «Гранд-опера» в 30-е годы поставил

Серж Лифарь, который долгие годы являлся ее директором.

В мае этого года на подмостках «Гран-Пале» начался фестиваль «Танец в эпоху революции». Здесь после труппы Бежара выступит балет «Гранд-опера», возглавляемый Рудольфом Нуриевым, танцевальный ансамбль Игоря Моисеева, испанский балет Антонио Гадеса, американский театр танца Элвина Эйли, хореографические училища Парижа и Ленинграда.

В городе на Неве балетная труппа Мориса Бежара вместе с Кировским театром выступала летом 1987 г. Французское телевидение показывало «Белые ночи танца» для всей Западной Европы: солисты двух трупп, сменяя друг друга, танцевали прямо на ленинградских набережных и площадях.

— Меня научили танцевать русские — Егорова, Волкова, Преображенская, — вспоминает хореограф, — и все мое детство связано с русскими педагогами. На расставании жизнь порой напоминает замкнутый круг, и в Ленинграде я обнаружил, что создателем русского балета, у которого я учился, был француз Мариус Петипа, стоявший во главе петербургской балетной труппы более 60 лет. Этот обрусевший француз родился в Марселе рядом с домом, где на свет появился и я, — только сто лет спустя. И вновь я убедился в том, сколь мал наш мир. Для меня приехать в Ленинград означало вернуться в детство и даже еще раньше, к Петипа, создавшему на чужой земле великую хореографию.

Мне кажется, что Кировский балет лучший в Советском Союзе. Что же касается Большого, то он переживает сложный период своей истории. Как известно, и в жизни людей с хо-

рошим здоровьем случаются времена от времени какие-то спады. Сейчас его ведущие исполнители танцуют нечасто, а новое поколение по-настоящему еще не пришло на смену.

— Вокруг нашего балета сейчас идут горячие дискуссии. Некоторые специалисты, да и зрители убеждены в том, что он «устарел», превратился в некий музейный экспонат, нуждается в обновлении.

— В любом искусстве, на мой взгляд, есть, с одной стороны, то, что я называю «музей», а с другой — поиск нового. Прежде чем заняться экспериментом, я как раз прошел «музейную» подготовку. Когда я дебютировал в балете, то в 1945 году отправился в Лондон, чтобы изучать балетную классику у Сергеева, которому в ту пору уже было 80 лет и который ставил балеты еще в Мариинском театре. Нужно сохранять классику и при этом делать современные спектакли. Существует ошибочное понимание традиции как пыли прошлых столетий. Я придерживаюсь другой точки зрения: традиция в искусстве подобна реке. Мне кажется, что советскому балету надо шире раскрыть двери для молодежи, среди которой немало творческих людей. Вместе с тем следует сохранить классический репертуар в первоизданном виде. В танцевальном рисунке Кировского балета есть непревзойденное совершенство, и я убежден, что в мире ничего лучше не существует. Это бесценное достояние нужно беречь. Мне вспоминается старая постановка Лавровского «Ромео и Джульетта» с Галиной Улановой. Она была просто фантастической, и очень жаль, что ее не сохранили до наших дней. Модернизировав, не следует уничтожать шедевры прошлого.

Свой первый балет — «Жарптицу» Игоря Стравинского Морис Бежар создал, когда ему было 23 года, и до сих пор он в его репертуаре. Он поставил большинство балетов этого, по его словам, «революционного композитора»: «Петрушку»,

«Пульчинеллу», «Свадебку» и подлинный шедевр — «Весну священную». Хореограф ставил как балеты моцартовские оперы «Дон Жуан» и «Волшебную флейту», 9-ю симфонию Бетховена. Декорации для Бежара вторичны, часто вообще отсутствуют. Он выносит свои спектакли за театральные стены (как это было в Ленинграде, в Афинах), интересно использует архитектуру, природу.

В труппу Бежара, заметил один критик, поступают как в монастырь, где живут по его уставу. Требовательности ко всем необычайная, нагрузки колоссальные. Труппа интернациональная. Майя Плисецкая танцевала в «Болеро» и в специально созданном для нее балете «Леда»; год у Бежара работал Владимир Васильев, танцевал в «Петрушке», а потом — Екатерина Максимова.

Балет для Мориса Бежара существует не сам по себе, но в тесной взаимосвязи с живописью, музыкой, скульптурой, литературой, философией. Днем хореограф репетирует, а по ночам — у него бессонница — читает.

— Сегодня культура, в которой возникли очаги кризиса, зависит от двух источников финансирования: либо от государства, либо от частных лиц — меценатов. Но меценатство обычно тяготеет к коммерции, и поэтому часто хореограф предпочитает иметь дело с государственными субсидиями.

Культура во всем ее многообразии — одно из главных жизненных измерений человека. Самый примитивный народ, живший на Земле, всегда стремился к красоте, ощущал в ней потребность. Как в хлебе насущном, мы нуждаемся в красоте и, стало быть, в культуре. Искусство существует для всех. Это не заповедник для избранных, которые в силу своего особого положения или интеллекта могут оценить балет, музыку или живопись, это общее достояние.

Ю. КОВАЛЕНКО,
соб. корр. «Известий».

ПАРИЖ.

Известия. - 1989 - 30 января - С. 6